

ДЖЕЙМС ВЕЛЛАРД

ВАВИЛОНЯНЕ

ЖИТЕЛИ ГОРОДА
ЧУДЕС

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Загадки древних народов

Джеймс Веллард

Вавилоняне. Жители города Чудес

«Центрполиграф»

1972

УДК 94(354)
ББК 63.3(0)32

Веллард Д.

Вавилоняне. Жители города Чудес / Д. Веллард —
«Центрполиграф», 1972 — (Загадки древних народов)

ISBN 978-5-9524-5481-1

В книге исследуется политическая, общественная и культурная история Вавилона – центра могущественной империи Среднего Востока, более двух тысяч лет влияющего на развитие цивилизаций Древнего мира. Вы познакомитесь с периодами расцвета и падений высокоразвитой цивилизации. Узнаете о пантеоне богов и царских династиях, науке и искусстве, юриспруденции и алфавите этой легендарной культуры. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(354)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-9524-5481-1

© Веллард Д., 1972
© Центрполиграф, 1972

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джеймс Веллард Вавилоняне. Жители города Чудес

JAMES WELLARD

BABYLON

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Роберт Кольдевей, немецкий археолог, руководивший раскопками Вавилона с 1889-го по 1917 г., писал, что эта метрополия была, «возможно, самым прославленным городом в мире». Он мог бы добавить «также и наименее известным», поскольку, хотя Вавилонская башня, Висячие сады и его последний великий царь Навуходоносор прочно вошли в западноевропейский фольклор, само местонахождение города оставалось неизвестным на протяжении двух с лишним тысяч лет и на поверхности земли не сохранилось даже следа его великих стен, некогда считавшихся одним из чудес света.

Но даже одного названия «Вавилон» достаточно, чтобы пробудить наше воображение, ибо этот город играет весьма важную роль в Библии, которая, как известно, до недавних пор была основным источником сведений по истории догреческого периода. И то, как описаны Вавилон и его правители в Ветхом Завете, лишь возбуждает наш интерес – невзирая на всю ненависть к нему еврейских летописцев (а возможно, и благодаря ей). Поэтому до тех пор, пока Кольдевей не раскопал реальный Вавилон и пока филологи не перевели клинописные записи, широкая публика имела лишь самое общее представление о том, каким был этот город, какое влияние он оказал на развитие цивилизации и почему он всегда вызывал в нас ощущение некоего чуда.

В наше время автор, обратившийся к этой теме, имеет в своем распоряжении множество материалов – в частности собственно вавилонские документы, результаты раскопок за последние полтора века и коллекции экспонатов, хранящиеся в национальных музеях по всему миру. Кроме того, существуют научные работы по истории Ассирии и Вавилона, большинство которых написано профессиональными ассириологами и основано на многочисленных реальных фактах, ставших доступными после дешифровки клинописи. В основном по причине сложности темы эти работы пишут специалисты. И действительно, после краткого знакомства с этими трудами становится ясно, что ассириология давно уже стала академической дисциплиной, обращенной к археологам и филологам, изучающим Месопотамию, и в первую очередь именно к филологам, так как только они могут читать таблички – основной источник сведений по ассиро-вавилонской истории.

В отличие от частных исследований специалистов цель данной книги состоит в описании общей картины политической, общественной и культурной истории Вавилонии, как мы впредь будем называть родственные государства Шумер и Ассирию. Таким образом, наша задача – изобразить жизнь Вавилона, этого центра империи, который был самым великим и богатым городом Среднего Востока приблизительно с 2500-го по 331 г. до н. э., то есть на протяжении двух с лишним тысяч лет. За это время он поддерживал высокий уровень цивилизации, стойко переносил одно завоевание за другим, поглощал своих покорителей благодаря своему культурному превосходству и распространял свое культурное влияние по всему Древнему миру. Язык Вавилона был языком международной дипломатии; вавилонская религия, астрономия, астрология и юриспруденция преобладали во всех цивилизованных странах вплоть до подъема Греции. Так в чем же заключался секрет могущества этого легендарного города?

Ответа на этот вопрос в ветхозаветных историях о длительных распрях между Израилем и Вавилоном мы конечно же не найдем, хотя эти повествования важны тем, что подчеркивают религиозные связи западного мира с еврейским, а через них – с самим Вавилоном. Но у еврейских пророков с их обличительными тирадами нет даже намека на тайну величия Вавилона, и для ее раскрытия историкам пришлось ждать вплоть до XIX в. Реальную историю Вавилона начали составлять по рассказам первых путешественников, проникших в этот затерянный мир между двумя великими реками, Тигром и Евфратом, и по материалам первых раскопок, раскрывших истинное лицо «самого прославленного города в мире».

Здесь следует сказать несколько слов о географии региона и географических наименованиях. Во-первых, термин «Средний Восток» используется в данной книге в том смысле, в каком его употребляли географы прошлых веков, разделившие Восток на три зоны – Ближний Восток, охватывающий страны вдоль восточных границ Средиземного моря; Средний Восток, включающий в себя бассейн Тигра и Евфрата; и Дальний Восток – страны к востоку от Афганистана. Современные географы возражают против такой классификации, считая ее «европоцентричной». Но их аргументы необоснованны, поскольку все регионы мира рассматриваются и не могут не рассматриваться относительно некоего фиксированного положения, подобно тому как меридианы отсчитываются от Гринвича. Так что в дальнейшем «Средним Востоком» мы будем называть бассейн Тигра и Евфрата, приблизительно включающий в себя территории современных государств Ирана, Ирака, Сирии, Иордании и восточной части Турции, а «Ближним Востоком» – земли Западной Турции, Ливана и Израиля.

Еще один спорный термин – «Месопотамия», который с римских времен употреблялся в различных значениях. Буквальное его значение – «земля между двумя реками», то есть «Междуречье». Под «реками» здесь подразумеваются Тигр и Евфрат. Тигр берет начало в горном озере на территории Курдистана, вбирает в себя многочисленные притоки, тянется на протяжении 1150 миль и впадает в Персидский залив. Евфрат берет начало в Восточной Турции, течет на протяжении 1700 миль по территориям Сирии и Ирака и соединяется с Тигром, прежде чем впасть в тот же залив. Эти две великих реки, на берегах которых зародилась цивилизация Среднего Востока, подходят близко друг к другу у Багдада, естественным образом разделяя регион на Верхнюю и Нижнюю Месопотамию. В Верхней Месопотамии располагалась территория Ассирии, в Нижней – Вавилония.

Написание ассиро-вавилонских имен доставляет нам столько же хлопот, сколько и транслитерация остальных семитских языков: французы пишут и произносят их по-своему, немцы – по-своему, англичане – по-своему. Помимо этого, ученые постоянно пересматривают свои фонетические теории, так что написание имен, принятое в середине XIX в., не имеет ничего общего с современным. Более того, имена, известные нам по Библии короля Якова, в академических трактатах предстают в самых разнообразных формах, например Навуходоносор пишется как Небухадреццар, Небу-кудур-уссур, Набу-кудурри-усур, Небекулухар и т. д. Но для широкой публики такое скрупулезное следование научным формам представляется излишним, тем более что сами ассириологи не пришли к единому мнению по поводу истинного произношения имени этого царя.

Автор решил по возможности придерживаться общепринятого написания личных имен, то есть писать Навуходоносор вместо Небухадреццар или Небу-кудур-уссур. Точно так же мы пишем Ашшурбанапал, Хаммурапи, Иштар, Тиглатпаласар, вне зависимости от того, какие варианты использует современная наука.

Достаточно большую сложность представляют и транслитерации арабских, турецких и иракских топонимов. Здесь мы также нередко сталкиваемся с традиционным написанием, дошедшим до нас с древних времен. Писать Баб-Илим вместо Вавилон или Урусилиму вместо Иерусалим было бы так же нелепо, как произносить «Пари» вместо «Париж», изъясняясь на родном языке. В целом автор придерживается написания, рекомендованного Постоянным комитетом по географическим наименованиям при Королевском географическом обществе. Эта единая система позволяет избежать путаницы, возникающей, когда город Басра, к примеру, называют то Бусра, то Бассора, то Буссора, или Бассра.

В заключение автор хотел бы поблагодарить Совет Британского музея за предоставленную помощь в исследованиях и в работе над данной книгой; издателей, выпустивших ее в свет, и редакторов журнала «Энкаунтер» за разрешение использовать в главе 8 материал, впервые опубликованный в майском номере этого издания за 1971 г.

Глава 1

Вавилон воспоминаний

Город Вавилон и Вавилонская империя процветали почти два тысячелетия, приблизительно с 2225 г. до н. э. и до завоевания их Александром Македонским в 331 г. до н. э. Можно даже сказать, что Вавилон умер со смертью греческого покорителя мира в стенах этого города. Но до этого он долгие века оставался культурной столицей мира; и даже после того, как он был погребен под горами камней и само его имя исчезло с карт, о его существовании не забыли. Имя это, казалось, таило в себе нечто волшебное. Евреи считали, что где-то здесь, поблизости, цвел Эдемский сад. Греки располагали в Вавилоне два из семи чудес света. Римляне описывали его как «величайший город, на который когда-либо взирало солнце». А для ранних христиан Великий Вавилон был символом греховности человека и гнева Господня. Таким образом, получается, что именно с рек Вавилона началась вся история западной цивилизации.

Кажется невероятным, что такая крупная и могущественная столица исчезла с лица земли: внешние защитные сооружения Вавилона имели 10 миль в окружности, 50 футов в высоту и почти 55 – в ширину. Но факт остается фактом: к началу нашей эры от Вавилона сохранились одни стены. Он так часто подвергался опустошениям, что к этому времени его покинули все жители, за исключением немногих беженцев, обитавших в развалинах. Царские дворцы были разграблены, храмы превратились в руины, все поросло травой.

А между тем греческий историк Геродот описывает Вавилон как столицу области, наиболее богатой зерном среди всех стран, которые он посетил, и называет его «не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов, которые я знаю». Затем он приводит цифры, довериться которым последующим историкам было трудно: площадь города составляла 15 квадратных миль, то есть 60 миль в окружности. Если он описывает город, окруженный стенами, то это, несомненно, преувеличение; но если считать пригороды, близлежащие поселения и деревни, то оценки Геродота можно признать относительно верными. Другими словами, в зените своей славы Вавилон вполне мог бы сравниться по площади с Центральным Лондоном.

Об огромных размерах Вавилона упоминали и более поздние греческие путешественники, но ко времени римлян город постепенно стал исчезать не только с карт, но даже из памяти людей. Последнее из описаний классических авторов кажется довольно странным: согласно Зосиме, историку эпохи правления Юлиана Отступника, в 363 г. н. э. город превратили в парк диких животных – своего рода заповедник дичи для персидского царя Шапура I. Зосима писал, что стены города все еще стоят, хотя большинство из 360 башен, расположенных вдоль укреплений, обвалились. Эта невероятная судьба, превращение крупнейшего в мире города в зверинец, не оставила равнодушным святого Иеронима, который услышал об этом от одного монаха из Междуречья. Свидетельство Иеронима фактически совпадает с описанием Зосимы – к концу IV в. н. э. Вавилон был оставлен людьми и там поселились дикие звери.

Итак, нам известно, что к 400 г. н. э. сохранились только великие стены, которые за тысячу лет до этого были перестроены по приказу Навуходоносора. Но с падением Римской империи, когда легионы покинули Средний Восток, обрушились и эти тройные бастионы; после чего от Вавилона не осталось ничего, кроме легенд о его былом величии. Причиной этому частично послужило то, что этот город, наряду с другими центрами языческого мира, стал символом греховности человека и гнева Господня для новой и торжествующей секты христиан. Классический пример подобных городов – это, несомненно, Содом и Гоморра; но разве не был и Вавилон проклят пророком Исайей, а Ниневия предана осуждению пророком Наумом? Уверенность в том, что ревнивое божество определяет ход истории и обрекает на разру-

шение языческий мир со всеми его богами и памятниками, частично объясняет то безразличие к судьбе великих цивилизаций Среднего Востока, которое было распространено в поздний период римской истории, Средние века и т. д., вплоть до XVIII в. Казалось, что Вавилон – город, его люди и его культура, – будучи прокляты самим Иеговой, стал недостойн даже упоминания. Ведь так утверждала Библия – «История народов, написанная Богом, Который указывает в ней, что считает важным, а что неважным. А о Вавилоне он говорит единственно с негодованием». Так пишет вдова Клавдия Рича, первого человека, который в наше время приступил к методическому изучению древней столицы мира.

Относился ли Бог к Вавилону с негодованием или нет – вопрос теологии, на который историки и археологи отвечать некомпетентны; но для тех, кто подобно мистеру Ричу чувствовал себя достаточно квалифицированным, чтобы судить о божественном расположении, пророчество Исайи было убедительным доказательством. Призывая Яхве в свидетели, Исайя предрекает ужасную участь древнему врагу Иудеи:

«Но кто попадется, будет пронзен, и кого схватят, тот падет от меча. И младенцы их будут разбиты пред глазами их; дома их будут разграблены и жены их обесчещены... Луки их (мидян, союзников Иудеи) сразят юношей, и не пощадят плода чрева; глаз их не сжалится над детьми.

И Вавилон, краса царства, гордость Халдеев, будет ниспровержен Богом, как Содом и Гоморра...»

К этому пророчеству Иеремия добавляет характерное для него проклятие:

«И Вавилон будет грудой развалин, жилищем шакалов, ужасом и посмеянием, без жителей».

Неудивительно, что, кроме последних скудных упоминаний классических авторов, мы почти ничего не слышим о Вавилоне. Для ранних отцов церкви, например, этот город был всего лишь символом развращенности языческого Рима, непримиримого врага христиан. А в период раннего Средневековья схоласты и политики были слишком заняты непосредственной угрозой христианству, чтобы позволить себе праздные раздумья о некоем символическом враге. Вавилон был легендой; армии ислама – реальностью.

И вышло так, что размышлять в то время об участи Вавилона мог лишь еврейский ученый – не столько из исторического или археологического интереса, сколько из желания узнать как можно больше о месте, связанном с древней религиозной историей своего народа. В 1160 г. рабби Вениамин¹ покинул свой дом в Северной Испании, чтобы собственными глазами увидеть город, где его предки страдали в плену и пели: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе, на вербах посреди его повесили мы наши арфы»². Вениамин добрался до Венеции, где сел на корабль, отправляющийся в Константинополь; в 1161 г. он достиг Мосула, расположенного на территории современного Ирака. Близ Мосула находятся развалины Ниневии, о чем, вероятно, еврейской общине города было известно всегда; но мы не знаем, посетил ли это место рабби Вениамин. Из Мосула он отправился вниз по Тигру к Багдаду, где нашел двадцатитысячную еврейскую колонию, а поблизости, в Хиллахе, еще одну десятитысячную общину. Хозяева рассказали ему, что здесь до сих пор можно увидеть дворец Навуходоносора и «печь, раскаленную огнем»³, в которую бросили Ананию, Мисаила и Азарию. Впрочем, как было добавлено, люди боятся посещать эти места из-за змей и скорпионов. Более того, багдадские евреи утверждали, что их синагога была построена самим Даниилом, доказывая, что они обитают здесь со времен их завоевателя Навуходоносора. Рабби также

¹ Вениамин Тудельский – знаменитый еврейский путешественник XII в. (Здесь и далее примеч. пер., за исключением особо оговоренных случаев.)

² Псалтирь: 136:1—2.

³ Даниил, гл. 3.

показали сооружение, которое он называет «Башней рассеянного поколения» – иными словами, Вавилонскую башню. Вениамин утверждает, что в «основании она две мили, шириной 240 ярдов, а высотой 1000 футов», и добавляет, что она была поражена «небесным огнем, который расколол Башню до самого основания».

Все это доказывает, что Вениамина ввели в заблуждение и посетил он вовсе не то место, где был расположен Вавилон; скорее всего, это был один из огромных холмов из глины и камней, которые часто встречаются на равнине Месопотамии между Тигром и Евфратом. Развалин древних городов там на самом деле так много, что идентифицировать их смогли лишь спустя столетие систематических раскопок, причем многие названия до сих пор вызывают сомнение. Первые картографы, например, совершенно не представляли, где нужно располагать Вавилон и Ниневию. Если бы картограф XVI в. спросили, где находился Вавилон, он ответил бы: на реке Тигр, в месте, именуемом Багдад, – и совершил бы ту же ошибку, что и рабби Вениамин. А ведь он в то время фактически был единственным авторитетом в этом вопросе. Дело в том, что немногие путешественники, которым удавалось пересечь Сирийскую пустыню, вообще не имели четкого представления, где они побывали и что видели. Типичный пример этого – свидетельство немецкого ботаника Леонарда Раувольфа, который посетил Багдад в 1575 г. и утверждал, что видел развалины Вавилона милях в сорока к западу от Багдада (то есть в 60 милях к северу от его реального местоположения). Раувольф писал, что там до сих пор можно видеть «башню Вавилона, которую дети Ноя (первыми населившие эти страны после потопа) начали возводить к небесам...». Но когда он добавляет, что эту башню населяют насекомые размером больше ящериц, с двумя головами и разноцветными пятнами на спине, то читатель начинает сомневаться в его компетентности натуралиста, не говоря уже о географии.

Но, как уже говорилось, равнина между Тигром и Евфратом буквально усеяна развалинами крупных городов древности; путешественники былых времен просто не имели возможности и средств установить, какой город скрывается под определенным холмом. Кроме того, большинство из них были вовсе не историками, а, как и в случае с англичанином Джоном Элдредом, обычными купцами, идущими на риск ради поиска новых рынков. В качестве перспективной сферы влияния Элдред выбрал Средний Восток и «во вторник на Масленной неделе, 1518 года, отбыл из Лондона на корабле по имени «Тигр» в компании шести или семи других distinguished купцов». По окончании странствий по всему Среднему Востоку, длившихся семь лет, он возвратился в Англию весьма богатым человеком, «благополучно прибыв на реку Темзу 26 марта 1588 года на «Геркулесе» – самом богатом товарами корабле английских купцов, когда-либо подходившем к берегам этого королевства».

Повествование Элдredа о своих похождениях особо занимательно: ведь он увидел Средний Восток в расцвете торговой славы великих караванов, идущих из Индии, и сам в Багдаде присоединился к направляющемуся в Алеппо через Сирийскую пустыню каравану в четыре тысячи верблюдов, навьюченных пряностями и другими богатыми товарами. Но особенный интерес для нас представляет его рассказ о руинах Вавилона, которые он называет «старинной башней Вавилона». Судя по воспоминаниям Элдredа, он видел ее «множество раз», пересекая равнину от Евфрата до Тигра; но теперь-то мы знаем, что это были развалины касситского города Аккар-Куф, зиккурат которого до сих пор остается одной из туристических достопримечательностей Ирака. Некролог на надгробной плите Элдredа в церкви Грейт-Саксема, графство Суффолк, выдержан в более осторожных тонах; если он и не видел развалин самого Вавилона, то уж точно побывал в Вавилонии, как и сообщает нам следующее четверостишие:

В земле, что зовется Святой, побывал я,
И землю, где был Вавилон, повидал я;
Немало святых я встречал на пути,

Но жаждало сердце Христа обрести.⁴

Но вот эпоха случайных путешественников, таких, как рабби Вениамин, Леонард Раувольф и Джон Эддред, миновала. Мистицизм Средневековья уступал дорогу скептицизму Века Разума. И в уединении своих библиотек и кабинетов ученые стали задаваться вопросами о реальной роли Вавилона в истории Древнего мира. Эти поиски заставили их усомниться даже в правоте Библии, которая до тех пор считалась основным источником информации о легендарной империи. Правдиво ли повествование Ветхого Завета о том, что Вавилон и Ниневия были разрушены вследствие Божьего гнева из-за их порочности? Другими словами, люди интеллектуального уровня Вольтера, Руссо и Гиббона не разделяли теоцентрический взгляд на историю. Холодный критицизм этих новых философов, в особенности деистов, непосредственно повлиял на историческую науку, поскольку они ставили под сомнение роль религии, божественное право королей и даже саму природу божества. И подобно тому, как астрономы осмелились утверждать, что Земля – это вовсе не центр мироздания, историки заявили, что Библия больше не является неоспоримым источником всего знания, это всего лишь одна из записей в обширных анналах человечества.

Таков был новый «научный» подход Карстена Нибура и его коллег, которых король Дании Фредерик V отправил исследовать Египет, Аравию и Сирию. Эти ученые руководствовались фактами, а не легендами. Когда Нибур обнаружил в окрестностях великих холмов близ Хиллаха на Евфрате множество кирпичей с надписями, то пришел к выводу, что это остатки одного из великих вавилонских городов. А возможно, и самого Вавилона – ведь он уже опознал место Ниневии у Тигра, близ современного города Мосула! Нибур, лишенный помощи и общества коллег, которые болели в течение всего года, не смог обследовать участок Хиллаха. И тогда он, что характерно для XVIII в., призвал товарищей-ученых продолжить его начинание.

Этот призыв не остался без ответа – в 1771 г. французский ученый, астроном Жозеф Бошан, монах бенедиктинского ордена, посетил холм Хиллаха, к которому было приковано внимание Нибура, а также еще один холм под названием Эль-Каср («Замок»). Именно под этим холмом в 1899—1912 гг. немецкий археолог Роберт Кольдевей сделал величайшие находки. В своих письмах французским коллегам аббат Бошан заложил основы новой науки, которую впоследствии назвали ассириологией, – науки, занимающейся изучением ассиро-вавилонско-шумерской цивилизации. Нанятые аббатом рабочие для раскопок кирпичей в холме Хиллаха сообщили ему, что обнаружили большие, толстые стены и комнаты, в которых находились глиняные сосуды, гравированные мраморные плиты и бронзовые статуи. Одна из комнат была украшена изображениями фигур коров на глазурованных кирпичиках (по всей видимости, напоминающих изображения быков, выполненных в технике эмали, которых позже обнаружил Кольдевей вдоль Дороги процессий); на других кирпичиках, как говорили рабочие, были изображения львов, солнца, луны и т. п. Все эти замечательные находки были отброшены как ненужные, так как рабочие искали только твердые обожженные кирпичи. (Такие кирпичи выкапывали еще с римских времен, и, когда в 1899 г. здесь появился Кольдевей, он узнал, что за последние двадцать лет строители, соорудившие плотину, растащили немало кирпичей из холма Эль-Каср и продолжали добывать их, пока он раскапывал «Вавилонскую башню».) К счастью для последующих поколений, глиняные и бронзовые статуи и цилиндрические печати с надписями казались им бесполезными и они выбрасывали их в кучи мусора. По всей видимости, их невежество повлияло на мнение аббата де Бошана, и он написал, что не пытается приобрести подобные цилиндры, «поскольку мне сказали, что их там много, что вряд ли какие-то из них представляют особую ценность».

⁴ Перевод А. Блейз.

Однако ученые в Европе не разделяли такого мнения – в частности, историки, которые желали получить важные исторические свидетельства, не имея возможности собственными глазами увидеть «книги вавилонян». Англичане, накануне золотого века своей интеллектуальной и имперской экспансии, особенно страстно пытались приобрести эти цилиндры, а также камни с надписями, всячески стараясь претворить это желание в жизнь в манере, характерной для последнего десятилетия XVIII в. В частности, генеральный директор Ост-Индской компании, «будучи информирован о том, что возле города Хиллаха на Евфрате находятся остатки очень большого и великолепного города, предположительно Вавилона», приказал своим представителям в Басре на берегу Персидского залива приобрести образцы вавилонских кирпичей с надписями и отослать их в Лондон. Эти образцы прибыли в начале 1801 г., и с этого момента началось систематическое изучение вавилонской истории.

Такое бурное развитие новой науки возникло во многом благодаря интересу, вызванному публикацией небольшой книги Иосифа Хагера «Диссертация о недавно открытых вавилонских надписях». Доктор Хагер был типичным представителем новой Европы: либералом, интернационалистом, гражданином мира. Он родился в Германии, обучался в Вене, путешествовал по всей Европе, писал и свободно говорил на немецком, французском, итальянском и английском, а затем решил изучать китайский язык. Типичными для того времени были и его интеллектуальные баталии с коллегами, из-за которых он вынужден был оставить пост в Национальной библиотеке и покинуть Париж. В 1790-х и 1800-х годах вопросы науки обсуждались столь же серьезно, как в наши дни политические дела. Пожалуй, вопросы гуманитарных наук в то время на шкале человеческих ценностей занимали даже более высокое место, чем политика, так что свободному обмену знаниями не могли помешать даже войны.

В такой воодушевляющей атмосфере интеллектуальной свободы теория Хагера о том, что вавилонский язык и забытая цивилизация ждут своего нового открытия, быстро преодолела все границы и нашла признание в университетах и академиях всех европейских стран. Ученый доктор с превосходным знанием языков смог указать три важные особенности, необходимые для дешифровки языка, на котором никто еще не мог прочитать ни слова.

1. Знаки в виде стрелочек или клиньев (сейчас вавилонскую письменность называют клинописью) представляют собой письменные знаки, а не орнамент или изображения цветов, как ранее предполагали некоторые ученые.

2. Эти знаки использовались не только в Персии, но и в Вавилоне, культура которого предшествовала культуре Персии.

3. Их следует читать горизонтально и слева направо. Именно благодаря этим кратким заметкам и был позже дешифрован загадочный язык потерянной цивилизации. А после того, как было положено начало чтению надписей, поиск самой Вавилонии, ее городов и остатков ее памятников стал одной из целей великих исследований XIX в.

Глава 2

Копатели

Можно сказать, что как наука ассириология возникла в начале XIX в., когда ученые в Европе принялись за трудную задачу расшифровки клинописи, в то время как их более практически настроенные коллеги стали измерять и наносить на карты холмы – предполагаемые места развалин Вавилона и Ниневии. Эти люди, пионером среди которых был Клавдий Рич, подготовили почву для последующего типа исследователей, называвших себя «копателями» – довольно точное определение для тех, кто не принадлежал к клану опытных профессиональных археологов. Копатели, в отличие от академически образованных специалистов, были особой породой людей, которая могла возникнуть только в специфических условиях первой половины XIX в. Ибо подобно тому, как интеллектуальная революция, вдохновленная трудами Вольтера и Гиббона, привела к освобождению человеческих умов от предрассудков и предубеждений, американская и французская революции, похоже, высвободили необыкновенный поток энергии, которому предстояло изменить ход истории. Последующий период был прежде всего веком исследователей, как в интеллектуальной, так и в прикладной сфере, – исследователей не только новых стран, но и древних империй; и большинство первопроходцев были путешественниками-одиночками, высокие интеллектуальные качества которых сочетались с физической выносливостью и отвагой. В сравнительно недавно возникшей области ассириологии мы встречаемся с такими же неординарными личностями, что и в сфере географических открытий (особенно это касается Африки). Замечательные достижения людей, чьи имена ныне почти забыты, часто совершались ценой их собственной жизни. Как это случилось с «африканскими путешественниками», пытавшимися пересечь пустыню Сахару и погибавшими в пути. Но результаты их трудов сохранились в музеях и библиотеках Запада, хотя их открытия и книги в наши дни давно уже считаются устаревшими. Конечно, современные археологи, в распоряжении которых имеются все средства современной науки, нередко снисходительно относятся к ранним копателям, вооруженным кирками и лопатами, с пробковыми шлемами на голове. Никто не сомневается, что они часто наносили значительный ущерб местам раскопок. Ученые-археологи с содроганием вспоминают о том, как Генри Лэйярд и его современники словно шахтеры прорубались сквозь дворцы и храмы Ниневии и Вавилона; они даже без колебаний прокладывали вертикальные шахты прямо сквозь древние памятники, чтобы освещать рабочее пространство. Мы уже никогда не узнаем, что именно разрушили эти копатели на своем пути, но, вероятно, утрачено было больше, чем найдено.

Следует признать, что потери эти по большей части невозможны. Тысячи вавилонских табличек, статуэток, кирпичей с надписями и цилиндрических печатей не только были разбиты кирками неумелых рабочих, но и безвозвратно утеряны по пути в Европу. Приведем два типичных случая таких потерь. В 1844 г. груз, составляющий две тысячи наименований скульптур и рельефов, посланный на плотках вниз по Тигру Эмилем Ботта, первым копателем ассирийского холма, полностью затонул в устье Шатт-эль-Араб из-за нападения речных пиратов или по недосмотру лиц, ответственных за его доставку во Францию. Так были утеряны плоды двухлетних раскопок, в том числе скульптуры и настенные барельефы из дворца царя Саргона в Хорасабаде. То же произошло и с 15 ящиками находок из древней Ниневии, которые Кристиан Рассам, представитель Генри Лэйярда на раскопках в Куянджике, в 1851 г. отослал в Багдад. Ящики, как было принято в то время, сплавляли вниз по Тигру на плотках, и речные пираты, которым нужны были лишь древесина, железо и канаты, а вовсе не древние произведения искусства, просто сбросили ящики с ними в воду. Впоследствии их так и не нашли.

Но эти потери, хотя и весьма печальные, совершенно несравнимы с теми разрушениями, которые производили отряды рабочих, нанятых копателями из представителей местных племен. Предполагается даже, что вследствие энергичных «атак» на холмы, скрывающие дворцы царей и храмы богов, могли погибнуть целые библиотеки глиняных табличек. Такова была расплата за неумный энтузиазм, с которым первые исследователи ринулись добывать экспонаты для национальных музеев своих стран. Именно такое поведение при первых раскопках и утрата не только бесценных памятников материальной культуры, но и важных исторических свидетельств, позволило египтологу Флиндерсу Петри охарактеризовать места раскопок середины XIX в. как «призрачные склепы погибших свидетельств».

Сказано сильно. С другой стороны, не стоит слишком строго судить отважных и смелых копателей, руководствовавшихся самыми благими побуждениями, так как никто из них и не претендовал на то, чтобы называться археологом: почти все они были дипломатами, военными или политическими агентами, которые на свой страх и риск и даже в ущерб собственному здоровью выполняли всю трудоемкую предварительную работу по раскопкам. И еще большим оправданием их деятельности служат поразительные по роскоши находки – невероятных размеров статуи, исторические фризы и поражающие воображение монументы. Другими словами, они не были охотниками за сокровищами, подобно расхитителям египетских гробниц. Это были скорее охотники за музейными экспонатами, занимавшиеся, по сути дела, тем же, но во имя науки. И это до некоторой степени их оправдывает, поскольку конечным результатом открытий копателей стало основание науки, известной в наше время как ассириология. При чем не следует забывать, что они достигли этого благодаря своей целеустремленности и храбрости, а иногда и ценой собственной жизни.

Первым из этих пионеров был Клавдий Джеймс Рич (1787—1820), который за свою недолгую жизнь немало попутешествовал, провел много времени в исследованиях, подобно многочисленным своим современникам, которые в тот поражающий воображение период истории проникали в отдаленные уголки Африки и Азии. Умер он молодым – как говорили, от «лихорадки». На самом деле в возрасте тридцати трех лет он пытался бороться с эпидемией холеры в персидском городе Ширазе, неподалеку от Персеполя, который исследовал.

Клавдий Рич был типичным представителем своего времени. Незаконнорожденный сын француженки (имя ее неизвестно) и британского полковника 35-го пехотного полка Джеймса Кокберна, он получил достойное молодого дворянина воспитание – иными словами, ему позволяли делать все, что заблагорассудится. Рича влекло к интеллектуальным занятиям. Это был весьма одаренный ребенок: в возрасте девяти лет он начал изучать арабский язык, а в шестнадцать лет о нем писали, что он «ознакомился со многими языками... Помимо латинского, греческого и многих современных языков, он самостоятельно овладел ивритом, халдейским, персидским, арабским, турецким и обладал некоторыми познаниями в китайском, который начал расшифровывать в возрасте четырнадцати лет». В наше время подобные достижения выглядят почти невероятными, но тогда это не считалось таким уж поразительным – по крайней мере, для молодых людей, которым предстояло стать пионерами новой науки ассириологии. Неудивительно, что одаренного молодого человека, который обладал «весьма обаятельной личностью и манерами», охотно приняли на службу в Ост-Индскую компанию. В те дни – в начале XIX в. – компания практически была отделением британского министерства иностранных дел, и ее представители во многих странах Востока обладали дипломатическим статусом. Более того – и опять же это было характерно для той эпохи, – от молодых людей, занимавших посты на Среднем Востоке, в Индии и Китае, не требовалось, чтобы они полностью посвящали себя торговле. Рутинной коммерции занимались их подчиненные и местные служащие. Представителей компании поощряли интересоваться политикой, дипломатией и, при желании, историей, географией и цивилизацией соответствующих регионов.

Итак, в возрасте всего лишь семнадцати лет Клавдий Рич по распоряжению Ост-Индской компании был отправлен в Каир, чтобы «совершенствоваться в арабском языке, искусстве верховой езды, а также во владении копьем и кривой саблей, в чем были мастера мамлюки прошлого». Эти «мамлюки», или мамелюки, были потомками рабов-христиан, которые, будучи воспитанными в мусульманской вере, составляли особую военную касту. В 1250 г. они захватили власть и посадили на трон своего султана. Клавдий Рич застал последних представителей этих свирепых воинов, которых Мухаммед Али⁵ уничтожил в 1811 г., заманив в засаду. В 1804 г. мамелюки все еще представляли собой военно-политическую силу в Османской империи, с которой приходилось считаться, и, воспользовавшись этим, молодой англичанин переделался одним из них и отправился через Палестину и Сирию в Бомбей, свой следующий пункт назначения. В Бомбее он женился на старшей дочери губернатора сэра Джеймса Макинтоша, и вскоре после этого его назначили резидентом Ост-Индской компании в Багдаде.

В те дни положение резидента было обставлено со всей роскошью, соответствующей традиции Британской империи, и двадцатичетырехлетний Клавдий Рич жил словно римский проконсул II в. н. э. Его дом был настоящим дворцом с двумя дворами, окруженными галереями и террасами, на которых можно было спать ночью на свежем воздухе. Под террасами располагались сводчатые помещения, которые использовались как конюшни, кухни и разнообразные конторы. В штат господина Рича входили англичанин-хирург, итальянец-секретарь Карл Беллино, умерший, как и его хозяин, молодым от «лихорадки»), несколько переводчиков, янычары, конюхи, слуги, рота индийских сипаев, которые при случае приходили на помощь военному гарнизону, небольшой отряд гусар, а также экипаж яхты, пришвартованной на реке. Таков был образ жизни представителя британской компании в начале XIX в., и неудивительно, что художник Джеймс Сил к Бэкингам, посетивший эту резиденцию в 1816 г., написал: «Мистера Рича единодушно признавали самым могущественным человеком в Багдаде; некоторые даже задавались вопросом, не действует ли сам паша в соответствии с предложениями мистера Рича, а не в соответствии с тем, что предлагает его собственный совет».

Итак, Клавдий Рич, владевший восточными языками и интересующийся забытыми цивилизациями Среднего Востока, оказавшись на отдаленном рубеже Британской империи, принялся за исследования. Будучи «самым могущественным человеком в Багдаде», он проводил их с соответствующим размахом, что можно видеть на примере записи в его дневнике от 9 декабря 1811 г.:

«Выехал этим утром в экспедицию с целью посетить остатки древнего Вавилона, в сопровождении миссис Рич, мистера Хайна и нескольких друзей. Наш эскорт состоял из моего отряда гусар, легкой пушки, хавильдара и двенадцати сипаев, около семидесяти мулов с поклажей, мехмандара паши и человека шейха джирбахских арабов».⁶

Таким образом, мистер Рич и его друзья были не только надежно защищены от нападения, но и имели достаточно провизии, чтобы на протяжении всего пути устраивать пикники. Через неделю после выезда, 17 декабря, погода была слишком ветреной для зарисовок, и компания решила раскопать один из холмов, где, судя по слухам, охотники за кирпичами нашли скелет. Именно сообщение о скелете и пробудило энтузиазм и любопытство археологов-любителей.

Клавдий Рич и его товарищи выдали местным рабочим кирки и лопаты, и те послушно рыли яму, углубляясь в холм и разбрасывая по сторонам кирпичи и глиняные таблички, пока не нашли нечто, что, по их мнению, могло заинтересовать хозяев. Это оказалось подземное помещение с саркофагом у стены.

⁵ Мухаммед Али – паша Египта с 1805 г.

⁶ Хавильдар – индийский сержант; мехмандар – гонец, назначаемый пашой.

«Я находился рядом и наблюдал за ними при свете маршалла (факела), пока они копали, стоя на лестнице. Они могли вытаскивать только кусок за куском; иногда кости поднимали вместе с обломком гроба. Я не мог найти ни черепа, ни собрать целый скелет. Прокопав немного глубже, мы обнаружили кости ребенка...»

Легко представить себе всю сцену: разрушение стены семейной гробницы, выкрики рабочих, передающих очередную порцию костей англичанину, их попытки найти что-то ценное для него... И в результате останки давно скончавшихся вавилонян отшвыриваются прочь, как не представляющие ценности, – отшвыриваются, возможно, вместе с надписями, которые могли бы рассказать нам об этих людях. Таковы были первые шаги археологии в Месопотамии.

Но Клавдий Рич компенсировал это невольное проявление вандализма тем, что отослал в Европу тщательное описание окрестностей Багдада вместе с картами, планами холмов и набросками руин и опубликовал научный доклад в венском журнале. Итак, этот молодой и талантливый английский путешественник и исследователь, не имевший почти никакого представления о том, что известно любому современному археологу, пробудил общемировой интерес к Вавилону, и его по праву можно назвать пионером ассириологии.

Одним из последствий его деятельности стал поток джентльменов-путешественников, направляющихся в эту волнующую воображение, загадочную страну «Тысячи и одной ночи». Среди тех, кто посетил Багдад, наслаждался щедрым гостеприимством генерального консула и повидал развалины Вавилона и Ниневии, был художник сэра Роберт Кер Портер, и именно благодаря его зарисовкам исчезнувшие города Месопотамии вновь предстали во всем своем блеске и великолепии для широкого обозрения после долгих веков забвения. «Путешествия» сэра Роберта, опубликованные в 1821 г., представляют собой превосходный пример тех прекрасно отпечатанных и иллюстрированных журналов, с помощью которых исследователи XIX в. старались пленить воображение публики. К концу Викторианской эпохи подобные издания выходили тысячами, и хотя большинство из них были вполне банальными, все же широкая публика получила возможность ознакомиться с миром, еще не подвергшимся западному влиянию и сохранившим свою самобытность. Ведь в то время, когда Роберт Кер Портер путешествовал по Грузии, Персии, Армении и Вавилонии в 1817—1820 гг., единственным средством передвижения в этих странах были лошади или ноги самого путешественника. Такой неспешный способ передвижения, похоже, определил стиль и даже формат его книги и книг его современников. Произведение сэра Роберта представляет собой труд в 1600 страниц с весьма немногочисленными витиеватыми сентенциями или скучными моральными рассуждениями, которые мы вынуждены терпеть у более поздних викторианских авторов. Портер писал о местах, которые посетило не более нескольких десятков европейцев, но которыми интересовались десятки тысяч, не имевшие возможности поехать туда, – о горе Арарат, Исфахане, Ширазе, Персеполе, Багдаде, Вавилоне, Ниневии, а также обо всех интересных людях и вещах, которые встречались ему по дороге. Его книгу иллюстрируют десятки карт, планов, набросков, портретов и первые тщательно выполненные копии клинописных надписей. Эта книга написана человеком, чья страсть к путешествиям привела его в Санкт-Петербург, где он писал картины при дворе русского царя; затем он проявил себя при дворе эксцентричного шведского короля Густава IV; побывал в Финляндии и Германии, а после и в Испании вместе с сэром Джоном Муром, где стал свидетелем его смерти в Корунне. После этого он возвратился в Россию и женился на русской княгине. Но на этом путешествия Портера не закончились, ибо после публикации «Путешествий по Грузии» его назначили британским консулом в венесуэльском Каракасе, где он «стал известен благодаря своему гостеприимству». О степени его гостеприимства можно судить по тому беспорядку, в котором пребывали его дела к моменту смерти, наступившей летним вечером в Санкт-Петербурге, когда он в дрожках возвращался с прощальной встречи с царем Александром I.

Основное значение людей, подобных Клавдию Ричу, Джеймсу Силку Бэкингему и сэру Роберту Керу Портеру, для научного мира в целом и для ассириологии в частности состоит в том, что они своим энтузиазмом, книгами и рисунками пробудили интерес широкой публики. Богатые и влиятельные персоны отныне считали своим долгом покровительствовать молодым путешественникам, готовым претерпевать опасности и лишения ради возможности приступить к раскопкам в Месопотамии, ибо профессионально организованные научные экспедиции, подобные современным, были неизвестны в Викторианскую эпоху. И действительно, вся работа в ассиро-вавилонских холмах на протяжении всего XIX столетия была выполнена одиночками-исследователями, ярким представителем которых был англичанин Остин Генри Лэйярд.

Глава 3

Лэйярд в Вавилонии

Остин Генри Лэйярд, подобно Клавдию Джеймсу Ричу, сэру Роберту Керу Портеру и многим другим молодым английским джентльменам того времени, начал свою карьеру «солдатом удачи»; денег у него было ровно столько, чтобы позволить себе посетить экзотические места. Он начал свои странствования с того, что оставил скучную контору своего дяди-адвоката в Лондоне и вышел на широкую дорогу – дорогу, которая в конечном итоге привела его в Индию. Его маршрут и манера путешествовать мало чем отличались от маршрутов и характера странствий современных молодых людей, искавших приключений за пределами западного мира со всеми его правилами и условностями. Но в середине XIX в. путешественник подвергался гораздо большим опасностям, чем в наши дни, хотя и вознаграждался более достойно. Лэйярду повезло. Когда у него в Турции закончились деньги, он сумел убедить сэра Стратфорда Кэннинга, британского посла в Константинополе, нанять его для выполнения тайных поручений – в те дни это означало странствовать в костюме местного жителя или паломника и собирать по крохам слухи, помогавшие дипломатическим представителям отправлять впечатляющие отчеты в министерство иностранных дел Великобритании. Шпионаж в современном смысле слова тогда еще не был изобретен. Агент вроде Генри Лэйярда не мог полагаться ни на что, кроме знания местного языка и хорошую физическую форму. Военные секреты этого региона, конечно, не представляли особой важности. Интрига же привносила в жизнь на Востоке дополнительную остроту, как видно из следующего эпизода. Как вспоминает Лэйярд в своей автобиографии, это произошло в Константинополе в 1843 г. – Лэйярду тогда было двадцать шесть лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.